

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Институт восточных рукописей
(Азиатский Музей)

Выпускается
под руководством Отделения
историко-филологических наук

К 200-летию
Азиатского Музея —
Института восточных
рукописей РАН

Наука —
Восточная литература
2018

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

Том 15, № 3

осень

2018

Журнал основан в 2004 году

Выходит 4 раза в год

Выпуск 34

Редакционная коллегия

Главный редактор д.и.н. **И.Ф. Попова** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

Заместитель главного редактора к.и.н. **Т.А. Пан** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

Секретарь к.ф.н. **Е.В. Танонова** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

к.ф.н. **С.М. Аникеева** (Москва, изд-во «Наука — Восточная литература»)

акад. РАН **Б.В. Базаров** (Улан-Удэ, ИМБТ СО РАН)

проф. **Х. Валравенс** (Германия, Берлинская государственная библиотека)

чл.-корр. РАН **В.И. Васильев** (Москва, РАН)

О.В. Васильева (Санкт-Петербург, РНБ)

д.и.н. **М.И. Воробьева-Десятовская** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

акад. РАН **А.П. Деревянко** (Новосибирск, ИАЭТ СО РАН)

к.ф.н. **Ю.А. Иоаннесян** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

д.и.н. **А.И. Колесников** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

акад. РАН **А.Б. Куделин** (Москва, ИМЛИ РАН)

к.и.н. **К.Г. Маранджян** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

акад. РАН **В.С. Мясников** (Москва, ИДВ РАН)

проф. **Не Хуньинь** (КНР, Пекин, Ин-т этнологии и антропологии АОН КНР)

чл.-корр. РАН **А.И. Османов** (Махачкала, ИИАЭ ДНЦ РАН)

к.и.н. **С.М. Прозоров** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

проф. **Н. Симс-Вильямс** (Великобритания, Лондонский университет)

проф. **Таката Токио** (Япония, Университет Киото)

акад. РАН **С.Л. Тихвинский** (Москва, ИДВ РАН)

Н.О. Чехович (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

к.ф.н. **Н.С. Яхонтова** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

В НОМЕРЕ:

ПУБЛИКАЦИИ

- Л.В. Горяева.** «О Малаккской крепости» (отрывок из мемуаров Абдуллаха бин Абдулкадира Мунши). Предисловие, перевод с малайского, примечания **5**

ИССЛЕДОВАНИЯ

- А.Л. Хосроев.** О слове $\chi\omega\kappa\bar{\iota}$ ($\lambda\omicron\upsilon\tau\rho\acute{o}\nu\eta\text{?}$ $\beta\acute{\alpha}\lambda\lambda\iota\sigma\mu\alpha\text{?}$) в *2СлСиф* 58.15–16 (*ННС VII.2*) и о раннехристианском «крещении» вообще. Часть 3 **16**
- Ю.А. Иоаннисян.** «Архаичный» глагольный суффикс в диалектах Хорасана **37**
- В.М. Рыбаков.** Правовые аспекты охраны государственной границы в танском Китае **43**

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

- А.И. Колесников.** Сасанидский след на персидских миниатюрах XIV–XV вв. **56**
- О.В. Лундышева.** Ксилографическое издание *Uṣṇīṣavijayā dhāraṇī* из Хара-Хото: палеографический анализ **81**

КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ

- И.В. Зайцев.** Османский бумажный штемпель в рукописях из Лейдена и Новосибирска **91**
- К.К. Курдоев.** Тексты на говоре заза района Батуми. Предисловие, публикация, примечания **З.А. Юсуповой** **96**

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Т.В. Ермакова.** Всероссийская междисциплинарная научная конференция с международным участием «Российские гималайские исследования: вчера, сегодня, завтра» (Санкт-Петербург, 21–23 ноября 2017 г.) **122**
- Т.А. Пан.** 3-я Всероссийская научная конференция молодых востоковедов «Китай и соседи» (Санкт-Петербург, 1–2 марта 2018 г.) **126**
- И.В. Кульганек, Т.А. Пан.** Академик В.П. Васильев (1818–1900) как исследователь истории и культуры Китая, Тибета и Монголии. К 200-летию со дня рождения (Санкт-Петербург, 4 апреля 2018 г.) **129**
- Е.В. Гусарова.** Юбилейная сессия петербургских арабистов — 40 лет на страже арабистической науки (Санкт-Петербург, 9–11 апреля 2018 г.) **132**
- О.М. Чунакова.** Фрейманские чтения–2018 (Санкт-Петербург, 23 мая 2018 г.) **138**

РЕЦЕНЗИИ

- Алаев Л.Б.** *Историография истории Индии.* Изд-е 2-е, испр. и доп. — М.: ЛЕНАРД, 2018. — 400 с. (**Е.П. Островская**) **142**
- Концевич Л.Р.** *Словарь географических названий Республики Корея: справочное пособие / Л.Р. Концевич; Ин-т востоковедения РАН.* — М.: Наука — Вост. лит., 2018. — 733 с., карты-схемы (**Ю.В. Болтач**) **148**

На четвертой стороне обложки:
иллюстрация из альбома «Жизнеописание бессмертных» (*Ле сянь чжуань*)
из коллекции ИВР РАН, шифр Н 56

Рецензия на книгу:

Алаев Л.Б.

Историография истории Индии.

Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: ЛЕНАРД, 2018. — 400 с. — ISBN 978-5-9710-4929-6

Е.П. Островская

Институт восточных рукописей РАН

DOI: 10.7868/S1811806218030147

Ключевые слова: индология, история Индии, эволюция исторических знаний.

Рецензия поступила в редакцию 15.07.2018.

Островская Елена Петровна, доктор философских наук, главный научный сотрудник, заведующая сектором Южной Азии Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН, РФ; 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18 (ost-alex@yandex.ru).

© Островская Е.П., 2018

Книга Леонида Борисович Алаева «Историография истории Индии», вышедшая в свет вторым, исправленным и дополненным, изданием, вызывает чрезвычайно значительный интерес. В ней тщательно воссоздана панорама эволюции исторического познания Индии в британской, индийской, российской науке и научных школах некоторых других стран, выявлен широкий спектр факторов, обусловивших становление и трансформацию подходов к проблеме изучения средневековой, новой и новейшей истории Индии, очерчены биографические портреты ученых и емко изложено содержание наиболее репрезентативных исторических трудов. Эта книга является в полном смысле слова энциклопедией историографических идей и парадигм описания исторического процесса на Индийском субконтиненте.

Во введении к исследованию даются типологические характеристики идейной направленности британской, индийской и российской историографии Индии. В связи с британской школой, становление которой началось в конце XVIII в., Л.Б. Алаев отмечает не только ее первичность относительно времени появления прочих национальных школ, но и генетически свойственную ей ориентацию на имперские интересы. Он подчеркивает, что индологические сочинения, создававшиеся британскими историками в XIX в., были, по существу, посвящены истории англичан в Индии и демонстрации улучшений, привнесенных колонизаторами в жизнь этой страны.

Индийскую историческую науку, несмотря на наличие в ней различных школ, Л.Б. Алаев определяет как полностью националистическую: «Она избирает разные

пути, но к одной цели — показать, что индийцы не уступали и не уступают европейцам и либо достойны занять место в мире, равноправное с другими нациями, либо — в крайних проявлениях национализма — превыше всех других и скоро займут место мирового лидера» (с. 9).

В характеристике отечественной школы акцентируются ее исходно марксистская направленность на изучение классовой борьбы в индийском обществе, конфронтационность по отношению к империалистическому мировому порядку, антиколониальный идейный настрой. По наблюдениям Л.Б. Алаева, российская школа, даже отказавшись от марксистской методологической парадигмы на постсоветском этапе своего развития, продолжает сохранять конфронтационный тип мышления относительно западных стран, что сближает ее с индийской исторической наукой.

В качестве новейшего явления автором упоминается формирование международной — англо-американо-канадско-японской — индологии. Но, к сожалению, методологическая и содержательная специфика данного феномена остается не раскрытой.

В русле вышеуказанных типологических характеристик и разворачивается дальнейшее исследование, распределенное в пяти главах: «Изучение истории Индии в XIX веке», «Историография между двумя мировыми войнами», «Советская историография истории Индии во второй половине XX века», «Историческая наука независимых Индии и Пакистана», «Последнее». Каждая из них разделена на тематические параграфы, эксплицирующие поэтапно обогащение проблематики исторических исследований.

В первой главе детально показано, как в работах британских исследователей — просветителей, утилитаристов, романтиков-ориенталистов — закладывался источниковый и фактографический фундамент изучения истории Индии, формулировались основополагающие историографические идеи, получившие последующее развитие в науке XX в. С неослабевающим интересом читается параграф, посвященный возникновению историографического феномена индийской сельской общины (с. 45–53). Важно сказать, что Л.Б. Алаев, излагая принципы типологического подхода к изучению общины, сформулированные в трудах Б.Г. Баден-Пауэлла, попутно выявляет их влияние на выдвинутую в конце XIX в. русским социологом М.М. Ковалевским концепцию экономического роста в докапиталистическом хозяйстве. Вместе с тем справедливо отмечается беспричинная невостребованность идей этого британского исследователя в практике социологов и этнографов, изучавших индийские деревни во второй половине XX в.

В этой же главе рассматриваются ранние британские труды, посвященные индийскому освободительному движению, и процесс зарождения индийской исторической науки. Л.Б. Алаев документально вскрывает амбивалентное отношение индийских историков к британской науке — готовность осваивать позитивистские методы исторического исследования, но не принимать во внимание критерий объективности как основной принцип историзма. Однако отмечен и приоритет индийских ученых, положивших начало историографии раннесредневековой Индии (с. 87).

В сравнительно большом по объему параграфе анализируется тема истории Индии в наследии Карла Маркса (с. 70–85). Автор подводит читателя к выводу, что «сочинения К. Маркса, посвященные Индии или касающиеся ее проблем, дают *цитатный ряд* (курсив Л.Б. Алаева. — *Е.О.*) как для сурового приговора британским колонизаторам, так и для положительной оценки их вклада в дальнейшее развитие Индии» (с. 84).

Суммируя во второй главе итоги рассмотрения колониальной историографии, Л.Б. Алаев подчеркивает, что господствовавшая в ней на протяжении XIX в. идея прогресса, достигаемого колонией под водительством британской власти, сменяется на рубеже XX в. тезисом о Ренессансе Индии, начавшемся благодаря оплодотворяющему воздействию британской цивилизации. Этот тезис, как показано далее, был

реинтерпретирован индийскими политическими деятелями и культурологами, утверждавшими, что Ренессанс имеет в Индии автохтонный характер и проявляется в возрождении доколониальной индусской культуры и религиозно-философской мысли.

В процессе развития индийской исторической науки до Второй мировой войны выявлены две тенденции: стремление к использованию строгих источниковедческих методов, разработанных германской критической школой, и формирование националистических смысловых доминант (представлений об изначальном национальном единстве Индии, об историческом первенстве Индии в установлении демократии в виде сельских общин, о величии древней Индии как морской державы, доминировавшей в акватории Индийского океана и обладавшей колониальными владениями). Рельефно охарактеризованы и историографические идеи мусульманских ученых, заявивших о себе в начале 1920-х годов трудами о Делийском султанате и Могольской империи. Прослежен и этап возникновения южноиндийской исторической школы, уделявшей преимущественное внимание исследованию социально-экономических отношений в период раннего Средневековья на материале эпиграфических источников.

О пробудившемся в начале XX в. интересе индийских историков к изучению освободительного движения автор говорит весьма лаконично. В их работах он отмечает наряду с героизацией участников Сипайского восстания тенденцию к отождествлению антиколониальной борьбы только с деятельностью Индийского национального конгресса и возвеличиванию роли М.К. Ганди.

Становление советской школы, происходившее в тот же период, освещается с позиций жесткой критики ленинизма как базовой методологии индологических исследований 1920–1930-х годов. Л.Б. Алаев демонстрирует политическую ангажированность советских историков Индии и тематическую связь их трудов с задачами Коминтерна, доказательно констатирует ограниченность научной проблематики вопросами новейшей истории, освободительной борьбы, колониальной политики, оценки личности и деятельности Ганди. Но наряду с этим указывается и тот факт, что применительно к Индии «положение крестьянства и рабочего класса, рабочее и крестьянское движения стали изучаться в СССР раньше, чем в других странах» (с. 163). Раздел богат весьма колоритными подробными биографическими портретами ученых на фоне политических коллизий эпохи, что особенно ценно для истории российского востоковедения.

В третьей главе полномасштабно экспонируется структура проблематики исследований, проводившихся советскими историками Индии во второй половине XX в. Детально излагаются историографические идеи, выдвинутые коллегами автора и им самим как непосредственным участником научного процесса. Показано, что в тот период советские индологи разработали рациональную концепцию индийского национально-освободительного движения, дистанцированную от идеологического пафоса разоблачений империализма, существенно расширили тематический диапазон исследований, охватив своим вниманием процессы духовной жизни индийского общества, а также приступили к изучению раннесредневекового периода в истории Индии.

Поистине грандиозный объем историко-научной информации виртуозно препарирован в четвертой главе, где рассматривается путь, пройденный за многие десятилетия исторической наукой независимых Индии и Пакистана. Анализируются основные сюжеты идейной битвы за историю, начавшейся в Индии в середине 1930-х годов и продолжающейся до сих пор, характеризуются научные связи индийских и российских историков. Показано, что важным предметом научной дискуссии в независимой Индии стала проблема оценки британского колониализма и противостоявшего ему националистического движения. Обращаясь к пакистанской ветви индийской исторической науки, Л.Б. Алаев обсуждает ее магистральную историографическую идею — пред-

ставление о неизбежности появления Пакистана на политической карте Индийского субконтинента в силу существования на подчиненной британцам территории двух наций (мусульманской и индусской). В связи с этим экспонируются противостоящие точки зрения мусульманских историков на Индскую цивилизацию — идеи ее «присвоения» в качестве собственного исторического прошлого или отторжения (призыва к уничтожению археологических памятников как артефактов чужеродной культуры). Рассматривается в этой главе и новый для индийской исторической науки феномен сотрудничества с американскими, германскими и японскими индологами.

Завершающая глава состоит из трех параграфов — «Изучение истории Индии в других странах», «Судьба истории в Индии», «Постсоветская историография». Автор утверждает, что британская школа приобрела в последние десятилетия XX — начале XXI в. интернациональный характер, а индийская состоит теперь по преимуществу из специалистов, обучавшихся в Великобритании и США. По мнению Л.Б. Алаева, именно США являются ныне центром изучения истории Индии, так как там проживают и работают английские и индийские ученые, занятые в этой области исследованиями (с. 338). В описании молодой американской индологии демонстрируется ее генетическая связь с антропологией. Кратко повествуется о германской исторической школе в индоведении, возникшей после Второй мировой войны в ГДР, и о развитии индологии в Японии, где практикуется координация археологических, исторических и антропологических исследований.

Что касается процессов, происходящих в индийской исторической науке, то в анализе этого вопроса автор сосредоточился на критике попыток радикальных националистов, не имеющих зачастую профессиональной научной подготовки, превратить историю в служанку индусского великодержавия.

Рассуждая о российской науке постсоветского периода, Л.Б. Алаев вполне оправданно констатирует ослабление исследовательской работы в области истории Индии, обусловленное недостаточным притоком молодых кадров, уходом из жизни многих ученых старшего поколения, а также распространением в среде востоковедной молодежи мнения о неперспективности карьеры индолога-историка. Однако, как показано, за последние десятилетия в России были опубликованы многие очень интересные работы по разным аспектам социально-экономической и культурной истории Индии и обобщающие труды, в том числе фундаментальные монографии самого Л.Б. Алаева.

«Историография истории Индии» вызывает восхищение исключительной глубиной и энергичностью научной мысли. Но все же позволю себе высказать кое-какие критические соображения, касающиеся введения к книге. Автор, объясняя принцип архитектуры своего исследования, говорит о роли глобализации знания: «В последние десятилетия упомянутая глобализация лишает смысла деление материала по национальным школам. Это свидетельство определенной степени зрелости нашей науки. Можно говорить о мировой индологии...» — и обещает учесть данное обстоятельство в последней главе путем выявления новейших тенденций в науке разных стран (с. 8). Здесь было бы важно определить, в чем именно проявляется глобализация индологического знания, демонстрирующая зрелость этой отрасли востоковедения, и какое обновленное содержание вкладывается автором в давно функционирующее понятие «мировая индология». Да и в завершающей главе стоило бы выявить связь современных направлений изучения истории Индии с процессом глобализации знания.

Не вполне убедительно, на мой взгляд, выглядит стремление автора банализировать содержание книги Эдварда Саида «Ориентализм» — свести весь ее смысл к критике европейского востоковедения и к закреплению за термином «ориентализм» негативной коннотации (с. 9). Может быть, уместно было бы сказать, что Эдвард Саид поставил

вопрос о многомерных связях востоковедного знания с властью европейских метрополий над колонизированным Востоком. «Ориентализм», как известно, стал манифестом так называемых «постколониальных исследований» — совокупности методологически и дисциплинарно разнородных, но тематически взаимосвязанных проектов, ориентированных на преодоление культурной и интеллектуальной зависимости незападного мира от западных образцов и прототипов. Между тем Л.Б. Алаев почему-то не счел необходимым упомянуть об этом не только во введении, где дается оценка книги Саида, но и в конце четвертой главы, где вскользь говорится о «постколониальном дискурсе» как о солидном направлении в современной мировой историографии (с. 330). И это тем более удивительно, что рецензия Л.Б. Алаева на книгу Саида была опубликована в сборнике статей «Ориентализм vs ориенталистика» (М.: ООО «Садра», 2016. С. 16–26), посвященном именно «постколониальным исследованиям».

Мне представляется дискуссионной безоговорочная солидаризация Л.Б. Алаева с теми индийскими учеными, в чьих трудах антиисторизм объявляется типологической особенностью индийской цивилизации и высказывается скепсис в адрес сторонников иной точки зрения. Эту обозначенную во введении позицию автор иллюстрирует характерными цитатами: «Индийский историк Н. Субрахмиан признает отсутствие у индийцев *исторического сознания* (курсив Л.Б. Алаева. — *Е.О.*), но не видит в этом трагедии: „Защитники индийской культуры вместо того, чтобы утверждать недоказуемое, могли бы заявить, что нет ничего существенно неправильного, нелогичного, глупого или ложного в отвержении преходящего; что жизнь не зависит от принятия исторических ценностей. Необходимо допустить, что определенный образ жизни не требует исторического сознания как точки опоры“. Другой индийский историк (Винай Лал. — *Е.О.*) придерживается того же мнения: „Никаких извинений, я считаю, не надо приносить по поводу отношения индийцев к историческому знанию. Его отсутствие должно пониматься не как недостаток, но как форма принципиальной забывчивости, отказ от признания истории закономерной формой знания“. Он даже видит в этой особенности преимущество своей цивилизации...» (с. 10). В своем согласии с цитируемыми мнениями Л.Б. Алаев исходит из факта несуществования в Индии собственной историографической традиции до мусульманских завоеваний — отсутствия «своей исторической школы» (с. 9).

У меня подобные рассуждения вызывают сомнения не потому, что они могут трактоваться как неполиткорректные, а в силу неприемлемости позитивистского отождествления исторического сознания с историографической традицией. Как известно, в эпоху тотального господства религиозных идеологий летописание представляло собой разновидность наррации, смысл которой фундировался не наличным историческим процессом, а историософскими учениями. И именно они выступали в ту эпоху специфической формой объективации исторического сознания. Ортодоксальные и неортодоксальные религии Индии способствовали появлению богатого спектра историософских концепций, легитимирующих определенные типы осмысленной исторического времени. Но возникновению исторической школы препятствовали в Индии как минимум два фактора — раннее становление теоретических представлений о средствах достоверного знания (*санскр.* *грамāṇa*) и идеализация грамматики Панини в качестве парадигмы изложения исследуемого предмета. По отношению к разработанным в индийской культуре эпистемологическим критериям любое повествование о прошлом оставалось на статусе легенды, не обладающей необходимым теоретико-познавательным основанием. Попутно замечу, что именно буддийская историософская концепция, возникшая и достигшая логико-дискурсивной зрелости в Индии до мусульманских завоеваний, породила богатую историографическую тра-

дицию в Тибете. Но почему-то это заслуживающее пристального внимания культурно-историческое явление не присутствует в поле зрения ученых, убежденных в анти-историзме индийской цивилизации.

Впрочем, рассуждения об отсутствии у индийцев исторического сознания приводятся Л.Б. Алаевым лишь в качестве пролога к не вызывающему никаких возражений тезису: «...современная историография истории Индии начинается с британцев (англичан и шотландцев) и продолжается затем как развитие ранних британских исторических идей или как борьба с ними» (с. 11).

Отмечая чрезвычайную узость социальной базы современной науки в Индии, автор резюмирует собственные наблюдения: «Для индийца, не только „темного“ и неграмотного, а и вполне интеллигентного, мифы о героях древности — *Махабхарата*, *Рамаяна*, *пураны* (курсив Л.Б. Алаева. — *Е.О.*) — столь же реальны и даже более реальны, чем любое знание, добытое трудом историка. Изучая историю в школе и колледже, индиец не заменяет новыми знаниями впитанные в детстве сюжеты эпоса, а каким-то образом совмещает в себе те и другие. В случае конфликта между мифом и историей он предпочтет миф. В этом глубинная причина многих последних процессов в культурной эволюции Индии...» (Там же). Это суждение опытного ученого-индианиста свидетельствует, на мой взгляд, о том, что архаичная форма исторического сознания является типологической чертой индийской национальной ментальности, и в ситуации когнитивного диссонанса именно она выступает смыслопорождающей моделью понимания исторических событий и механизмом социокультурной селекции исторических знаний.

«Историография истории Индии» побуждает читателя задуматься о многих проблемах исторического познания, о настоящем и будущем науки истории в странах Южной Азии. Это обновленное автором произведение, несомненно принадлежащее к разряду классических научных трудов, сослужит добрую службу не одному поколению российских индологов.

Review of the book:

L.B. Alaev

The Historiography of History of India.

2nd revised edition. Moscow: LENARD, 2018. 400 pp.

ISBN: 978-5-9710-4929-6 (in Russian).

(Pis'mennye pamiatniki Vostoka, 2018, volume 15, no. 3 (issue 34), pp. 142–147)

Received 15.07.2018.

Helena P. Ostrovskaia

Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences; Dvortsovaia naberezhnaia 18, St. Petersburg, 191186 Russian Federation.

Key words: indology, history of India, the evolution of historical knowledge.

About the author:

Helena P. Ostrovskaia, Dr. Sci. (Philosophy), Researcher-in-Chief, Head of the Section of South Asian Studies, the Department of Central Asian and South Asian Studies, IOM RAS (ost-alex@yandex.ru).